

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора филологических наук

Люстрова Михаила Юрьевича

на диссертацию Шамина Степана Михайловича

«Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII

столетия», представленную на соискание ученой степени доктора

исторических наук по специальности

07.00.02 – «Отечественная история»

Диссертационное исследование С.М. Шамина является результатом многолетней, интенсивной и чрезвычайно плодотворной работы. Посвятив кандидатскую диссертацию курантам эпохи Федора Алексеевича, Шамин остался верен выбранной теме, за последующие полтора десятилетия опубликовал большое количество монографий и статей и наконец представил итоговый труд. Безусловно, Степан Михайлович входит в число наиболее известных отечественных и зарубежных исследователей курантов и обладает всеми необходимым для ученого, изучающего эту тему, достоинствами – владеет европейскими языками и имеет большой опыт архивной работы. Благодаря его многолетним изысканиям стал понятен механизм освоения русским читателем материалов европейской прессы и их роль в строительстве новой русской культуры. В представленной диссертации С.М. Шамин ставит перед собой задачу выявить и исследовать основные этапы проникновения в Московское государство западноевропейских газетных публикаций, значение их переводов в деле формирования русской прессы и место курантов в жизни России Раннего нового времени.

Рассуждая о бесспорной актуальности разрабатываемой темы, С.М. Шамин называет имена важных для него исследователей, на работы которых

он ориентируется и с выводами которых как правило соглашается. Диссертация С.М. Шамина находится в самой тесной связи с работами И. Майер (названной в исследовании основательницей новой научной школы) и Д. Уо.

Первой своей задачей С.М.Шамин считает «выявление в источниках материалов, отражающих процесс проникновения в Московское государство иностранной прессы» (с. 7). Количество же использованных в работе источников впечатляет и включает материалы 46 фондов из 9 архивов Москвы и Петербурга. Принципиально важно, что диссертант специально оговаривает, какие тексты он относит к числу интересующих его источников, и называет среди них «отдельные переводы иностранной прессы, обзоры иностранной прессы – куранты, а также печатные иностранные газеты, календари, листовки и другие издания» (с. 8). Чуть ниже С.М. Шамин замечает, что «в историографии вопрос о выделении прессы в качестве отдельного исторического источника является предметом дискуссии, поскольку на страницах периодических изданий могут быть опубликованы документы самого разного характера» (с. 9), но применительно к своему диссертационному исследованию считает, что «выделение этих документов в отдельный вид источников является оправданным» (с. 9). Кроме того, в круг источников диссертант включает рукописные книги, содержащие, в том числе, русские переводы материалов европейской печати, следственные дела, дипломатические документы и разного рода нарративные памятники. В результате перечень названных автором диссертации источников выглядит чрезвычайно пестрым, но, и это очевидно, логичен и обоснован.

После пространного и обстоятельного историографического обзора С.М.Шамин приступает к описанию начального этапа бытования европейской прессы в Московским царстве. В первой главе диссертации – «Традиционные практики использования известий иностранной прессы» – речь идет о доле европейских газетных публикаций в общем потоке сведений, поступающих в

Россию в XV – первой половине XVII в., о способе доставки материалов и (немного) качестве их перевода. Поскольку сохранившихся переложений европейских летучих листков и рукописных газет ничтожно мало, диссертант, объяснив причины этого обстоятельства, последовательно анализирует каждый из известных ему случаев. В настояще время наиболее ранним документом, находящимся в составе рукописной книги, считается пересказ «листа» 1440, и С.М. Шамин приводит его краткую, но исчерпывающую характеристику. Сообщая о датированном 50-ми годами XV столетия «Послании Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василию Васильевичу из Заримья из Латины», диссертант предлагает весьма убедительную версию, объясняющую повышенный интерес современников к обоим памятникам. Среди упоминаемых исследователем текстов XV века значатся знаменитые «Повесть о Дракуле» и «Прение живота и смерти», а также «Европейской страны короли». В первой половине XVI века количество переводов такого рода европейских текстов возрастает, у исследователя появляется возможность соотнести русский перевод с его европейским оригиналом; однако во второй половине XVI – первой половине XVII века переводы европейских новостей в русские рукописные сборники не попадают, и С.М. Шамин предлагает достаточно убедительное объяснение этого явления.

В то же время, по сведениям С.М. Шамина, вестовые материалы читаются в составе дипломатических документов, и диссертант называет все известные ему случаи их доставки в Москву дипломатами, купцами, агентами правительства и порубежными воеводами. Особое внимание автор исследования уделяет способу проникновения материалов европейской прессы в Россию в эпоху после Смуты (непосредственно в Москву и кружным путем), указывает на особую роль европейских купцов и сопровождает свои наблюдения большим количеством весьма показательных примеров. Автор фиксирует резкое увеличение в 1664–1665 гг. числа переводов иностранной прессы, доставленной в Посольский приказ купцами, с московским

правительством не связанными, и объясняет это обстоятельство известным в их среде интересом Алексея Михайловича к современной ему европейской печати.

Рассуждая об отправлявших в Россию новости тайных агентах и, по обыкновению, сопровождая свое повествование чрезвычайно любопытными историями, диссертант делает примечательное наблюдение: свою деятельность они продолжали и после того, как европейские газеты доставлялись в Москву на регулярной основе. Общий же вывод, к которому приходит исследователь, кажется бесспорным: по его утверждению, нарушенный Смутой порядок поступления в Россию материалов европейской прессы был восстановлен в самые короткие сроки, в течение одного десятилетия.

Весьма содержательным является раздел диссертации «Пресса и дипломатия». Рассматривая в подпункте «Функция информирования» европейские газетные публикации как востребованный российскими дипломатами источник информации, диссертант приводит ряд убедительных и разнообразных примеров такого рода и начинает свой обзор с рассказа о деятельности одного из главных героев своего исследования – А.А. Виниуса. Из подпункта «Очернение противника» (название которого кажется не слишком подходящим для диссертационного исследования) следует, что доставлявшиеся в Россию материалы нередко оказывались элементом шведско-датских и англо-голландских пропагандистских войн. В части «Давление на партнера по переговорах» приведены малоизвестные и показательные примеры использования материалов прессы в дипломатических спорах.

Во второй главе «Начальный период трансформации традиционных практик работы с информацией (вторая половина XVII в.)» исследуется процесс формирования в России системы регулярной доставки европейских газетных материалов. Рассуждая о причинах и обстоятельствах

возникновения отечественной почтовой службы, диссертант специально останавливается на роли царя Алексея Михайловича, истории противостояния первых русских почтмейстеров, ван Сведенса и Марселиса, и деятельности А.А. Виниуса. Проанализировав систему функционирования российского почтового ведомства в 1670–1700 гг., диссертант приводит перечень поступавших в Москву европейских изданий и собственные расчеты времени доставки материалов печати в российскую столицу. Отдельной задачей, стоявшей перед автором диссертации и успешно им решенной, было проследить путь европейской прессы от почтмейстера до двора и от двора до архива. Попутно диссертант дает характеристику работы отечественных переводчиков, занимавшихся курантами, по выражению С.М. Шамина, «в «почтовый» период», и рассказывает о докладах курантов при Федоре Алексеевиче, Софии Алексеевне и Натальи Кирилловне. Особенно любопытным выглядит рассказ о чтении курантов во время восстания 1682 г. Не менее ценным является фрагмент диссертации, посвященный доставке в Россию польской прессы, причинах оживления польско-русских отношений и содержания отправляемых в Москву, но не попадавших ни в куранты, ни в рукописные сборники, материалов.

В третьей главе диссертации проводится всесторонний анализ информационного потенциала курантов,являвшихся, по существующему в науке мнению, важнейшим, если не основным, источником сведений о международных событиях. В качестве объекта исследования диссертант выбирает куранты, содержащие информацию о североевропейской Швеции, западноевропейской Франции, южноевропейской Италии и неевропейской Турции с ее европейскими провинциями. Называя количество упоминаний имен шведских государственных деятелей (указанный раздел работы начинается с рассказа о Швеции), диссертант, кроме прочего, отмечает, что отречение королевы Кристины от трона и ее переход в католичество не произвел на российские власти впечатления, и это обстоятельство, на мой взгляд, заслуживает специального объяснения. Как следует из текста

диссертации, Франции (как и Турции) в курантах уделялось особое внимание, и из курантов же черпались основные сведения о французских (и турецких) делах. Раздел этот является одним из наиболее пространных и, на мой взгляд, наиболее содержательных. Особый же интерес представляет материал, изложенный в значительной по размеру последней части главы и посвященный попавшим в куранты иностранным сведениям о происходящих в России событиях.

В четвертой главе диссертации – «Влияние европейской прессы на культуру политической элиты России» – рассматривается проблема восприятия российской аудиторией газетных публикаций как явления европейской культуры, ее способности адекватно истолковать встречающиеся в них многочисленные аллюзии и примеры. Проанализировав случаи использования слов «куранты», «авизы» и «газета», диссертант приступает к разговору о содержащихся в переводах иностранной печати малопонятных для русского читателя реалиях и явлениях. В качестве примера С.М. Шамин выбирает встречающиеся в европейских материалах сведения из античной истории. Соглашаясь с несомненной уместностью этого фрагмента, хочу отметить, что тема восприятия в Древней Руси античности исследована основательно, и поэтому экскурс автора диссертации кажется избыточным. Подчас же С.М. Шамин приводит общеизвестные сведения, и это обстоятельство вызывает некоторое недоумение. Так, рассуждая на странице 312 о слове «комедия», диссертант констатирует, что «в рассматриваемое время оно использовалось в более широком, чем сегодня, значении «театрального представления вообще». На странице 375 автор разъясняет, что «мальтийские кавалеры» – это мальтийские рыцари, на странице 435 – что Агасфер был «иерусалимским сапожником, который не дал отдохнуть Христу у своего двора по дороге к месту казни». На странице 496 рассказывает, кто такой Я. Брюс, а на страницах 323 и 324 замечает, «что царь вполне четко осознавал, что Марс – это бог войны». Чуть ниже, на странице 325, диссертант отмечает, что «известной на Руси фигурой античной истории был Александр

Македонский» и в одном из панегириков с ним сравнивается Петр I. Однако здесь диссертант в детали не углубляется и, вопреки ожиданиям, о довольно сложном отношении в Европе и в Петровской России к Александру не говорит ни слова. Точно так же автор диссертации затрагивает очень важные и серьезные проблемы, но делает это походя, не сопровождая свое наблюдение необходимыми объяснениями. Так, на странице 396 С.М. Шамин отмечает, что в своих рассуждениях некий старообрядец «близок к взглядам А. Н. Радищева, чье определение государства («чудище обло озорно огромно стозевно и лаяй»), поставленное эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву», стало крылатым», но об источнике этого «определения» умалчивает. На странице же 540 диссертант отмечает, что «рассказ о том, как галантный французский кавалер после смерти спас честь своей возлюбленной, напоминает мистическую литературу XIX столетия», однако что именно имеется в виду, не указывает.

В то же время некоторые наблюдения, сделанные диссидентом по ходу повествования, ценные и заслуживают самого пристального внимания. Так, на странице 337 С.М. Шамин сопоставляет панегирический фрагмент письма А.А. Виниуса с панегириком А.В. Никитина, а на странице 347 – нидерландских и немецких приветствий, адресованных Великому посольству. Надо отметить, что фрагмент диссертации, посвященный анализу переводов европейских панегириков на азовскую тему, является одним из наиболее интересных и содержательных. В разделе «Положительные публикации о России как фактор европеизации русской знати: торжества и панегирики по случаю победы над османами и взятия Азова» автор констатирует появление в европейской прессе нового, положительного образа России, называет основные способы распространения в Европе информации об азовском взятии и дает исчерпывающее описание корпуса русских и европейских победословий.

В пятой главе «Случаи массового распространения отдельных сочинений» проводится всестороннее исследование трех групп европейских памфлетов, ставших достоянием широкого круга русских читателей: «Сказания о двух старцах», посланий турецких султанов и истории о графе-псе. В этой, на мой взгляд, чрезвычайно важной части исследования диссертант анализирует процесс постоянного обновления однажды появившегося известия, его актуализации в новых исторических обстоятельствах. Рассматривая первое сочинение, С.М. Шамин останавливается на его происхождении, обстоятельствах появления в России и подробнейшим образом исследует все существующие редакции памятника. Попутно диссертант приводит неизвестные и чрезвычайно ценные сведения о российских чиновниках, с этим сочинением знакомых и на его счет отдававших разного рода распоряжения. Правда, некоторые фрагменты подобных экскурсов кажутся более подходящими для научно-популярного, но не диссертационного сочинения. Так, рассказ о жизни и деятельности думного дьяка Лариона Иванова венчает эффектная, но не вполне, как мне кажется, уместная концовка: «Впрочем, личный «конец света» для думного дьяка настал совсем скоро. В 1682 г. восставшие стрельцы убили его вместе с другими сторонниками Нарышкиных» (с.374). Подобные пассажи в тексте диссертации обнаруживаются неоднократно, и их появление вызывает недоумение: например на странице 373 диссертант задает риторический вопрос, «но было ли спокойно на душе у верного государева слуги?», на странице 501 объявляет, что «представителям политической элиты России ничто человеческое было не чуждо», а выше, на странице 123, отмечает, что «око Алексея Михайловича охватило более широкие горизонты». Проведенный же С.М. Шаминым анализ выдает в нем исследователя в высшей степени профессионального и отлично знакомого с материалом.

Исследование посланий турецких султанов позволило диссертанту, кроме прочего, пересмотреть сложившееся в науке представление об истории указанного русского текста и выявить попытку московских властей после

взятия Азова «распространять за рубежом тексты, схожие с перепиской султана» (с. 414). Вывод же С.М. Шамина, что «типологически сходные «послания правителей» разного времени могут объединяться в целостный, имеющий общий идеологический смысл литературный комплекс» (с. 418) выглядит убедительным и сомнений не вызывает.

В шестой главе «Иностранный пресса в русской книжности» рассматриваются переводы европейских газетных материалов, с 40-х годов XVII века вновь ставшие доступными для широкого круга российских читателей, и среди привлеченных исследователем текстов преобладают описания «знамений, чудес, известий о пророках и пророчествах» (с. 428). В начале главы диссертант подробно описывает пути проникновения в Россию такого рода литературы, при этом каждый представленный им сюжет исследован скрупулезно и тщательно. Среди рассмотренных диссертантом памятников отдельную группу составляют рассказы о небесных знамениях. Как и в прочих случаях, анализируя «описание знамения в небе над Венгрией», С.М. Шамин демонстрирует умение работать с непростым материалом. Однако в этом разделе диссертационного исследования нелишним было бы отметить распространность подобных описаний во всей Европе. Поскольку в диссертации большое внимание уделяется русско-шведским политическим отношениям, было бы уместным обратиться к шведскому материалу эпохи Тридцатилетней или Северной войны, представленному в трудах Л. Густаффсона, К. Юханссона и П. Энглунда. Разумеется, отсутствие такого экскурса нисколько не снижает ценность проведенного С.М. Шаминым анализа и является лишь небольшим наблюдением.

Рассматривая описания землетрясений и специально останавливаясь на «Описании пречудного сицилианского трясения», диссертант вполне обоснованно относит этот памятник к разряду не только исторических источников, но и литературных сочинений (с.457; надо отметить, что на

литературность некоторых исследуемых им материалов диссертант обращает внимание не единожды). Специально и очень внимательно С.М. Шамин анализирует переводы европейских публикаций, посвященных военным событиям в Польше и Турции, объясняет причину и обстоятельства их появления в России. По наблюдению С.М. Шамина, «наиболее полно в русской книжности отражены описания решающего сражения Великой турецкой войны – битвы при Зенте», и тексты, посвященные этому событию, диссертант разбирает с особой тщательностью, не упуская малейших деталей и на их основании делая обоснованные выводы.

В седьмой главе диссертационного исследования – «Утверждение в России культурных явлений Нового времени» - исследуются новации, появившиеся под воздействием европейской прессы. Среди них - активное участие русской дипломатии в пропагандистских войнах с Польшей и Швецией, возникновение отечественной прессы и появление календарей. Повествуя о «политической борьбе в информационном пространстве», диссертант отмечает, что в середине XVII в. в ответ на «вражескую агитацию» московское правительство начало отвечать «печатными публикациями», и первым таким ответом называет русские писания на тему чуднинского поражения. Наблюдение диссертанта, что московское правительство регулярно «передавало в европейскую печать собственную информацию о положении дел» (с. 488, 489), подтверждается материалами, посвященными восстанию Степана Разина и событиям Северной войны. Рассказывая о документах, повествующих о русско-шведском конфликте 1700–1721 гг., автор, кроме прочего, фиксирует «совсем уж необычный способ бороться со шведской агитацией» (с. 496) – ответ на пророчество. Примечательно, что в рассмотренной диссертантом «каббалистическом расчете» удачным для Карла называется 1712 г., и этот пример расширяет корпус панегирических текстов, в которых европейские авторы обыгрывают номер шведского монарха (12 подвигов Геракла, 12 звезд, 12 часов).

Интересными и содержательными выглядят разделы диссертации, посвященные «превращению курантов в газету «Ведомости», которая (и здесь исследователь вновь соглашается с И. Майер) «была больше похожа на куранты, чем на немецкие или голландские газеты того времени» (с. 509), и календарям, создаваемым по немецкому образцу и являвшимся, по мнению С.М. Шамина «предшественниками ежегодников» (с. 513). Не менее важны рассуждения диссертанта о чтении курантов как «виде целенаправленного обучения» (с. 525). Рассказ о содержании исследуемых материалов автор работы сопровождает остроумными и справедливыми разъяснениями, например, объясняет обилие «курьезных» статей в курантах, предназначенных для Петра II. Венчает исследование пространный рассказ о «распространении «смеховых» текстов в книжной традиции» - теме исследованной, но требующей дальнейшего изучения.

В Заключении С.М. Шамин помещает краткий обзор всей представленной работы и при этом не считает необходимым специально перечислять сделанные им выводы.

В диссертационном исследовании С.М. Шамина существенных недочетов, на мой взгляд, немного. Главным из них является недостаточная вычитка текста, бросающиеся в глаза стилистические и орфографические ошибки портят впечатление от всей работы. Мелкие же замечания не могут снизить высокой оценки труда и тем более препятствовать присвоению С.М. Шамину ученой степени доктора исторических наук.

Без сомнения автор реализовал поставленные цели и задачи, обосновал заявленную новизну исследования и аргументировал выдвинутые им версии. Автореферат и публикации отражают содержание диссертационной работы С.М. Шамина. Диссертация «Иностранный пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия» полностью соответствует Паспорту специальности 07.00.02 – «Отечественная история» требованиям пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного

постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г.
№ 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора
исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

Заведующий отделом древнеславянских литератур Института мировой
литературы им. А.М.Горького РАН

2

Люстрон Михаил Юрьевич

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

28.02.2021

УЧЕНЫЙ

ИМЛИ РАН

Контактные данные:

тел.: 7 (916) 471-12-84, e-mail: mlustrov@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

121069, г. Москва, ул.Поварская 25а

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН, отдел
древнеславянских литератур.

Тел: (495) 690-50-30, e-mail: info@imli.ru

<http://imli.ru/>